

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ОЛИЙ ВА ЎРТА
МАХСУС ТАЪЛИМ ВАЗИРЛИГИ
БУХОРО ДАВЛАТ УНИВЕРСИТЕТИ
ФИЛОЛОГИЯ ФАКУЛЬТЕТИ

Инглиз тили ва адабиёти кафедраси

Рахимова Зарина

"Выражение романтизма к реализму в произведениях Вальтера Скотт"

5220100 - инглиз (француз, немис, рус)

Инглиз тилшунослиги буйича бакалавр даражасини олиш учун

БИТИРУВ МАЛАКАВИЙ ИШИ

Мутахассис чиқарувчи

кафедра:

Инглиз тили ва адабиёти

Илмий раҳбар:

Ҳабибуллаева Р.М.

Бухоро - 2018

Содержание

Введение.

ГЛАВА I. САМ ВАЛЬТЕР СКОТТ.

- 1.1 Переход от романтизма к реализму.
- 1.2 **Наш отец Вальтер Скотт** создатель исторического романа.
- 1.3 Кумир читающей публики.
- 1.4 Писатель истинно британский.

ГЛАВА II. САМ ВАЛЬТЕР СКОТТ ОТЕЦ БРИТАНСКОГО РОМАНА.

- 2.1 Прошлое как источник современности.
- 2.2 Современники “Шотландского барда”
- 2.3. Современники «Шотландского барда»

Заключение

Список использованных литератур

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность выпускной квалификационной работы. Английский реализм нового цеха, получившей в нашем литературоведении название критического, в прогрессивном западном - реализма социального (“social realism”) вырос на крепком фундаменте заложенном великими представителями просветительского романа, исторического романа, отцам которого считается Вальтер Скотт. Для того, надо по-новому взглянуть на точно кажется давно известным по-новому прочесть Скотта и разглядеть, в чём кардинальное отличие написанного им от творчества просветителей. Дело не в намерении представителей разных течений английской литературных связей, преемственности прашей и инноваций. Исследователь калеченный на изучение этой преемственности и традиции - фактам, мимо которых нельзя проходить, говоря о литературах и авторах века минувшего и века настоящего - не должен его упускать из поля зрения. Изучающий прошлое открывает новые и новые аспекты наследия ушедших и связей их с живым. В раскрытии этого феномена заключается актуальность настоящей исследовательской работы.

Теоретическая и практическая значимость выпускной квалификационной работы. До самого последнего времени английское и отечественное литературоведение почти не занималось изучением вышеуказанных связей. На совести многих литературоведов, писавших об английской литературе XIX века, очевидная недооценка творчества Вальтера Скотта, ошибка, которую пора не только осознать, но и направить наше литературоведение живые и творческое, и нет необходимости стыдиться белых просчётов, поскольку они неизбежные в пути, они присущи живой науке, любому творческому поиску. Поэтому, в определенной степени привести в порядок уровень и степень изученности творчества Вальтера Скотта в истории английской и

мировой литературы, его места среди выдающихся романистов XIX века как отца британского романа и «Шотландского барда» составляет теоретическую ценность нашего исследования. А практическая и сторона заключается в том, что результаты и выводы этой работы будут способствовать восполнить брешь в литературоведении относительно исторического романа XIX века и Вальтера Скотта – человека, проложившего путь к роману этого века, роману критического реализма, притом не только в одной Англии. Ведь он объединил в своем творчестве лучшее. Что было достигнуто просветителями (Филдинг, Смоллетт, Ричардсон, Стерн), с новаторскими находками романтиков и научил писателей века XIX тому историзму которого не хватало веку XVIII.

Основная задача настоящей работы заключается в том, чтобы убедительно показать роль и место Вальтера Скотта - создателя исторического романа и одного из прямых предшественников романа нового времени - романа критического реализма (Бальзак, Стендаль) в истории английской литературы.

При этом также раскрыть этап перехода от романтизма к реализму в английской литературе.

Методологической основой выпускной квалификационной работы послужили труды первого Президента И.А.Каримова и специалистов зарубежных и отечественных - по истории английской литературы.

Методика выпускной квалификационной работы. В нашей работе мы использовали метод историка – сравнительного изучения как способствующий разрешить задачу выявления водораздела между просветительским реализмом и В. Скоттом.

Материалом выпускной квалификационной работы послужили научные изыскания отечественных и зарубежных литературоведов по истории английской и мировой литературы.

Структура выпускной квалификационной работы. Наша выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка используемой и цитируемой литературы. Общий объем работы составляет 55 страниц.

ГЛАВА I

ТВОРЧЕСТВО САММ ВАЛЬТЕРА СКОТТА ВАЖНЫЙ ЭТАП К РАЗВИТИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

1.1. Переход от романизма к реализму.

Творчество Вальтера Скотта важный этап к развитию литературного процесса в Англии отразивший переход от романтизма к реализму.

Творческий метод и стиль романов Скотта – явление сложное. Скотт опирался на достижения писателей XVIII в., считая своим учителем Филдинга. Однако он жил в иную эпоху, и творчество его знаменовало новый этап в развитии романа. Не уступая своим предшественникам в художественном мастерстве, Скотт превосходит их не только глубиной своей исторической концепции, но и более совершенным методом построения романа и раскрытия характеров героев. Романтизм в творчестве Скотта своеобразно сочетается с ярко выраженными реалистическими тенденциями. Исследователи отмечают, что Скотт, включил «романтическое» в круг реального.

В мировую литературу Вальтер Скотт вошел как создатель исторического романа. Значение его творчества раскрыл В.Г.Белинский, подчеркнув, что Скотт дал «Историческое и социальное направление новейшему европейскому искусству». В статье «Речь о критике» В.Г.Белинский отметил: «Дать историческое направление искусству XIX века – значило гениального угадать тайну современной жизни».

С присущей ему глубиной проникновения в жизнь самых различных эпох, начиная со средних веков и кончая тем временем,

в которое жил он сам, Скотт увидел «тайну жизни» современного ему общества в его переходном характере.

Писатель жил на рубеже XVIII и XIX вв., в ту переломную эпоху, когда феодальные отношения сменялись буржуазными. Феодально-патриархальная Шотландия уходила в прошлое; на смену ей приходила Шотландия буржуазно-помещичья. Смена формацией влекла за собой возникновение и развитие форм идеологии, новых явлений в литературе и искусстве; она обостряла интерес к прошлому, к истории порождала стремление разобраться в закономерностях её развития. В философии, науке и литературе это стремление осуществлялось различными путями. Величие и сила Скотта заключаются в том, что он соединил в своем творчестве изучение истории с философским осмыслением событий прошлого и блестящим художественным мастерством романиста.

Современники Скотта зачитывались его романами. Их высоко оценили все крупнейшие писатели и критики XIX столетия. Пушкин сравнивал его «Колумбом в сфере искусства», а также «Шекспиром и Гомером» исторического романа.

Бальзак считал Скотта своим учителем. Историзм творчества Скотта имел большое значение для развития реалистического романа XIX в.

Скотт – романист заставляет размышлять над событиями истории; знакомя с прошлым, он помогает понять настоящее; обращаясь к старине, он ставит вопросы, связанные с современностью поднимает проблемы общественной нравственности, справедливости.

Вольтер Скотт родился в столице Шотландии Эдинбурге. Во времена Скотта Эдинбург уже не был политическим центром

страны. С начала XVIII в., Шотландия перестала быть самостоятельным государством став, частью Соединенного королевства Великобритании. О былом величии страны напоминали возвышающиеся на холмах полуразрушенные дворцы шотландских королей, знаменитый Эдинбургский замок, развалины Голидурского аббатства. Эдинбург с его архитектурными памятниками был самой историей. Все здесь хранило память о прошлом Шотландии, о героических сражениях и народных восстаниях.

Отец Скотта был известным адвокатом. Изучению юриспруденции сразу же после окончания школы посвятил себя и будущий писатель. Работал в конторе отца, он познакомился с шотландским и английским законодательством. Недолгая адвокатская практика, связанная с разъездами по стране, работа секретаря Эдинбургского суда и шерифа одного из округов Шотландии – все это помогло молодому Скотту познакомиться с жизнью и не прошло бесследно для будущего романиста.

Прошлое родины вызывало живой интерес у Скотта. Он начинает собирать памятника шотландского фольклора, записывает баллады и песни, посещает места исторических событий, систематически изучает историю Шотландии, Англии и других европейских стран.

Народное творчество вдохновило Скотта на создание романтических баллад. Однако источником его ранних поэтических произведений был не только фольклор Шотландии. Молодой Скотт был хорошо знаком и литературами европейских стран – Англии, Германии, Франции, Италии, Испании, увлекался драмами Гёте, балладами Бюргера, поэмами Тассо.

В 1802 году Скотт опубликовал два тома шотландских народных песен, собирать которые он начал с ранней юности («Песни шотландской границы» – *Minstrelsy of the Scottish Border*). Третий том появился в 1803 г. Эти памятники народной поэзии содержали богатейший материал по истории; в них отразились мысли и чувства простых людей, живших в далекие времена; в них звучал голос народа Шотландии. Вслед за этими сборниками появились поэмы Скотта – «Песнь последнего менестреля» (*The lay of the Last Minstrel*, 1805) «Мармион» (*Marmion*, 1808) «Дева озера» (*The Lady of the Lake*, 1810), «Рокби» (*Rokeby*, 1813) посвященные средневековью. Уже первая из поэм имела необыкновенный успех и сделала автора знаменитым. В «Песни последнего менестреля», как и в других поэмах Скота, реальность сочетается с фантастикой, черты и факты истории переплетаются с вымыслом. Описания средневековых замков, шотландский пейзаж, картины охоты и сказочные приключения – все это характерно для раннего поэтического творчества Скотта. Однако оно было лишь подготовительным этапом к созданию знаменитых романов.

В своих романах Вольтер Скотт обращался к значительным историческим событиям. Он показал столкновение социальных сил в различные эпохи. Скотт более глубоко, чем какой-либо писатель до него, раскрыл роль человечества.

Велика заслуга писателя, сумевшего показать народные движения, создать значительные народные характеры. Всею логикой развертывающихся в его романах событий Скотт подчеркивал зависимость судьбы отдельного человека от хода развития истории; он обладал способностью раскрывать характер каждого действующего лица как характер, определяемый

исторической эпохой. Вместе с тем он прекрасно передал особенности быта, людей, их обычаи их нравы, колорит страны и эпохи. Романы Скотта содержат подробности этнографического характера; с большим мастерством написаны батальные и жанровые сцены, обрисованы портреты героев, обстановка, в которой они живут и действуют.

Без анализа мировоззренческих позиций Скотта нельзя понять своеобразия его исторических романов. Мировоззрение писателя было противоречивым. Он придерживался консервативных взглядов, поддерживал правительство тори и был сторонником конституционной монархии. Объективно Скотт признавал право народа на борьбу против угнетения, но он опасался революционных преобразований и его пугала идея народовластия. И все же консерватизм Скотта не был последовательным. Он поднимал свой голос в защиту народа и отразил в своих лучших романах народную точку зрения на происходящие события.

За свою жизнь Скотт написал 28 романов, несколько повестей и рассказов. Многие его романы посвящены истории Шотландии.

1.2. Наш отец Вальтер Скотт создатель исторического романа

«Наш отец Вальтер Скотт» - так называли создателя исторического романа и одного из прямых предшественников романа нового времени – романа критического реализма Бальзак и Стендаль.

Влияние Скотта на классиков критического реализма огромно. О том, чем они обязаны «шотландскому чародею» много писали Бальзак и Стендаль. Не писали о нем прямо ни Диккенс, ни Текеррей, ни Гаскелл, но в своей творческой практике они обнаруживали это влияние совершенно очевидно.

Примечательно, что уже для Байрона, посвятившего Скотту своего «Каина» и высоко ценившего создателя «веверлийских» романов, «шотландский чародей» - это создатель новой литературы. Он называл Скотта шотландским Филдингом, подчеркивая тем самым связь его с просветительской традицией и значение в формировании нового реалистического искусства.

Как создатель исторического романа Скотт испытал беспрецедентную популярность и славу ещё при жизни. Слава эта померкла лишь после его смерти, в 30-х годах, когда резко упал интерес к истории. Но если популярность исторического романа Скотта пошла на убыль, то одновременно началась незаметная, но чрезвычайно интенсивная внедрение скоттовского метода, воздействие на представителей рождавшегося нового реализма принципов художественной архитектоники, на которых строился скоттовский роман. Принципы построения романа исторического интегрировались в реалистический роман о современной жизни, складывавшийся в 30-40х годах XIX века. Ослабевала

популярность исторических романов, но только начиналась популярность романа, в основе которого лежал глубокий историзм. Недаром именно Бальзак стал, по существу, преемником Скотта: историк современных нравов продолжал дело историка времен былых.

Своим прямым учителем Скотт не без основания считал Филдинга, он, действительно но, продолжал в своем романе традиции английского реалистического романа XVIII века, и, прежде всего, конечно, Филдинга и Смоллетта. Но в то время как Филдинг называл себя «историком частной жизни» и в «Томе Джонсе» объявил своей главной задачей изображения различных оттенков и вариантов «человеческой природы» (human nature), Скотт поставил частную жизнь вымышленных героев в прямую зависимость от жизни общества и его истории, сделав выводы, материал для которых ему дала история. Оставаясь романтиком в своем поэтическом восприятии мира, Скотт перекинул мост от романтизма к реализму нового времени. А.Елистратова в своей работе об английском просветительском реализме превосходно, на мой взгляд, показывает, где проходит водораздел между просветительским реализмом и Скоттом: Филдинг знал разнообразные классы английского общества, но для его (просветительского) реализма «характерно, то, что социальные контрасты и противоречия осмысливаются сквозь конфликты этические. Общественный смысл этих этических конфликтов просвечивает уже явственно, но все же не раскрывается писателем во всей его полноте».

О романах Скотта А.Елистратова говорит лаконично и вполне справедливо, что они объективно представляли собой «своего рода переходное звено от романтизма к реализму»¹.

«Вальтер Скотт своими романами решил задачу связи исторической жизни и частную», - верно заметил ещё Белинский. И он же определил причину огромной популярности Скотта в начале века: «Дать историческое направление искусству XIX века – значило гениально угадать тайну современной жизни».

Годы, когда жил и писал Скотт, были насыщены событиями большой исторической значимости, изменившими весь облик европейского общества. Это была эпоха завершения – в Англии – промышленного переворота, начавшегося ещё в 60-х годах XVIII столетия. Укрепилось в результате буржуазной революции 1789-1794 годов во Франции и промышленного переворота в Англии господство буржуазии, рождался пролетариат, изменивший характер общественных отношений в Европе.

Углубление общественных противоречий в процессе промышленного переворота социальная перестройка, шедшая в стране, помогали понять связь жизни отдельной личности с жизнью всего общества, зависимость судьбы отдельных людей от судьбы общественных коллективов – то, что было ещё недоступно пониманию реалистов XVIII столетия. События огромной исторической значимости, характеризовавшие конец XVIII – начала XIX века, будили общественную мысль, наталкивали на выводы и обобщения, которые осмыслил и претворил в образы именно Вальтер Скотт.

Исторический роман в том понимании его задач, которое сложилось у Скотта в результате наблюдения современной жизни,

¹ А.А.Елистратова. наследие английского романтизма и современность. 1960, С.19.

богатой историческим содержанием, и глубокого изучения истории, поставил перед создателем «веверлийских романов» вопросы социологии. Он пришел к пониманию закономерности смены эпох, понял историческое развитие как процесс, движение и борьбу. Ища объяснения существа исторических конфликтов, чрезвычайно острых в его время, он шел к пониманию борьбы классов, и нельзя пройти мимо того обстоятельства, что он редко рисовал эпохи устоявшихся социальных отношений как в своих «средневековых», так и в своих «шотландских» романах. Скотт охотнее всего обращался к тем периодам истории, когда общественная борьба была особенно острой и интенсивной.

Зарубежные исследователи не замечают одного существенного обстоятельства, открытого русским литературоведением: Скотт из английских писателей-реалистов один сумел показать народ как активную историческую силу, чего уже не смог сделать Теккерея, хотя и постулировал эту задачу в первой главе своего исторического романа «Генри Эдмонд». В тех событиях прошлого, которые рисовал Скотт, принимали участие не только представители правящих классов, а как в «Айвенго», «Пуританах», «Роб Рое» и может быть особенно в «Анне Гейерштейн», и народные массы. Более того, во многих романах Скотта «Пуританах» (Old Mortality), «Айвенго», особенно в «Анне Гейерштейн» - народ показан как сила, решающая исход борьбы, хотя чаще всего действующая либо королям, либо революции, либо реставрации.

Правда, это не значит, что Скотт сознавал классовую сущность народных движений, но он ощущал в народе огромную силу. Иногда она его даже пугала.

Метод, выработанный Скоттом в его романах, был объективно, несмотря на романтические мотивы в нем, подлинно реалистическим. Традиция романа XVIII века, притом как реалистического (просветительского), так и готического («черного»), вливаясь в его роман, им переосмысливаясь. Высоко оценивая своих учителей (преимущественно Филдинга и Смоллетта), Скотт не принимал философское осмысление жизни просветителей, объяснявших поступки и чувства людей общими свойствами «человеческой природы». Иррационализм «черного романа» Скотт также отвергал. Автор всех «веверлийских романов» объективно давал материалистическое обоснование и объяснение не только судьбам отдельных личностей, но и судьбам общественных коллективов. Он видел и показывал объективные силы, приводящие в действие поступки людей и определяющие их судьбы общественные конфликты¹.

¹ Многочисленные высказывания Скотта о литературе. «Miscellaneous Prose Works of Sir W. Scott» 1827.

1.3. Кумир читающей публики

...Единственный раз по душам говорили Белинский и Лермонтовым, четыре часа продолжалась их беседа, и о чем же говорили они? Важнейшее место в их разговоре занимал Вальтер Скотт (1771-1832) его влияние на литературу².

А в «Герое нашего времени?» Помните всю ночь напролет – и это перед дуэлью? – Печорин читает... Кого же? Конечно, Вальтера Скотта, роман «Пуритане».

И Достоевский в своих повестях изобразил то же ночное, запойное чтение Вальтера Скотта. Он сам в молодости много читал его, а в зрелые годы старался привить ту же страсть своим детям.

Младший современный и друг Достоевского, поэт и критик Ап.Григорьев, заставший в детстве всеобщее увлечение «шотландским бардом» (так называли Скотта), оставил воспоминания о том, как расхватывались и зачитывались до дыр вальтерскотовские романы, несмотря на то, что они были у нас «серо и грязно» изданы, «гнусно» переведены (с французского перевода) и «продавались недешево».

Безусловной, никем не оспариваемой славой Вальтер Скотт пользовался и у себя на родине, и по всей Европе, и за океаном. Он был кумиром читающей публики, а среди писателей считался мерилom творческого величия. Белинский в своих статьях и письмах упомянул имя Вальтера Скотта не менее двухсот раз и, если он хотел указать на творческую задачу особой сложности, почти непосильную, то говорил, что с этой задачей не справился

² Об этой встрече, происходившей в Ордонанс-гаузена-гауптвахте. П.А.Висковатов, М.Ю.Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1987.

бы или справился лишь с величайшим трудом, «сам Вальтер Скотт». Американская знаменитость Джеймс Фенимор Купер (которого Белинский с Лермонтовым во время того памятного и единственного в своем роде разговора поставили наравне с «шотландским бардом») обратился к сочинению историко-приключенческий романов под сильным впечатлением от книг Вальтера Скотта, Бальзак называл «шотландского барда» не иначе, как гением, и стремился применить его повествовательный метод к современности. Гете говорил: «Вальтер Скотт – великий талант, не имеющий себе равных, и право же, неудивительно, что он производит такое впечатление на читающий мир. Он дает мне обильную пищу для размышлений, и в нем мне открывает совсем искусства имеющее свои собственные законы». «Не знаю чтение более увлекательного, чем произведения Вальтера Скотта», - писал Байрон (который не только не уступал но в некоторых отношениях даже превосходил «шотландского барда» по степени популярности среди читателей). Тот же Байрон признавался: «Я все романы Вальтера Скотта читал не менее пятидесяти раз...» восторженным и внимательным читателем Вальтера Скотта стал Карл Маркс, особенно ценивший «пуритан», что приковали к себе внимание лермонтовского героя.

При чтении Вальтера Скотта у современников возникала впечатление чуда¹. «Забылся, увлеченный волшебным вымыслом», - описывает Лермонтов читательские впечатления своего героя. «Так прекрасно описано, что ночь сидишь...читаешь», - передает впечатления своего персонажа Достоевский (в «Белых ночах»). Даже собратья – писатели при чтении книг Вальтера Скотта

¹ Об этом написаны целые исследования; см., н-р: Б.Г.Реизов. Творчество Вальтера Скотта. Л., «Художественная литература», 1965.

забывались, проявляя чисто читательскую, увы, до какой страницы дочитали? – спрашивал Гёте у своего собеседника – секретаря об очередном, тогда только что вышедшем Вальтер-скоттовском романе.

Существовали и другие мнения. Стендаль ещё в разгар вальтескоттовской славе предсказывал её снижение. В ту пору, когда о «шотландском барде» беседовали Белинский и Лермонтов, соотечественник Вальтера Скотта, другой знаменитый шотландец историк Томас Карлейль, подверг решительному пересмотру всеобщую восторженную оценку Вальтера Скотта и говорил об успехе своего соплеменника как о явлении переходящей моды. К его мнению со временем присоединился влиятельный английский критик Джордж Генри Льюис. Под пером нового прославленного американца Марка Твена Вальтер Скотт превратился в объект пародии. И в мемуарах Ап. Григорьева, написанных в 60-х годах прошлого столетия, проскальзывает разочарование в прежнем кумире. Положим, как показывают тиражи, популярность вальтер-скоттовских романов не уменьшалось, однако, в самом деле, снизился её уровень: заставить двух выдающихся современников за многочасовой беседой о Вальтере Скотте было уже не возможно, так же, как нельзя нам представить себе героя нашего времени читающим ночь напролет Вальтер-скоттовский роман (разве что перед экзаменом).

Да, уже невозвратно, своего рода помешательство, заставлявшее читателей любого круга и возраста, забыв все на свете просиживать и дни, и ночи над книгами «шотландского барда». Но все же, при каких, бы, то ни было переменах в читательских вкусах имя Вальтера Скотта за литературный горизонт не закатилось (что произошло со многими очень

популярными писателями); пошатнув пьедестал «шотландского барда», время все-таки утвердило его право считаться вечным – классическим явлением.

Ошиблись ли авторитетные литературные судьи? Как это часто бывает, они оказались правы и не правы. Кто в свое время не видел недостатков Вальтера Скотта? Белинский определенно, и не один раз, говорил о бледности его положительных персонажей, о невыразительности у него женских лиц и вообще о недостатке психологической тонкости в его повествованиях (о том же, предвещая снижение репутации Вальтера Скотта, говорил Стендаль). А посмотрите, каковы оттенки в Лермонтовском описании: «Я читал сначала с усилием, - говорит Печорин, - потом забылся, увлеченный волшебным вымыслом». «Ещё бы, без усилия! Ведь в «Пуританах», которые читал Печорин, три авторских предисловия – три приступа к повествованию – надо преодолеть, прежде чем доберешься до «волшебного вымысла». «Он часто бывает до утомительности растянут в описаниях мелочных подробностей; завязка в его романах на всегда удовлетворительна», - говорил о Вальтере Скотте современник Белинского и Лермонтова, рядовой литератор. Сравните этот отзыв с «усилием» Печорина: стало быть, и такие мнения были типичными. Не щадили Вальтера Скотта и его соотечественники шотландцы, те самые «эдинбургские обозреватели», которые его же ставили необычайно высоко. А ниспровергатели Вальтера Скотта, верно замечая его недостатки, не учитывали, как видно силы и стойкости его достоинств!

За что же так ценило Вальтера Скотта большинство современников, включая и широкую читательскую публику, и литературных судей? В чем все они, и искушенные и

простодушные, видели чудо? «Волшебный вымысел», - определил устами своего героя Лермонтов. «Вымысел» здесь не означает выдумку, это, прежде всего литературно – критический термин. «Вымысел» по английски «фикшен» - «фикция». Так в отличие от литературы документального достоверный англичане называют литературу, создаваемую силой творческого воображения. «Над вымыслом слезами» обольюсь, сказал Пушкин, имея в виду чтение художественной литературы, сказал он и о своей героине: «Она влюблялся в обманы», имея в виду произведения выдающихся европейских романистов ещё до вальтер - скоттовский поры.

«В начале XIX века явился новый великий гений, проникнутый его духом, который dokonчил соединение искусства с жизнью, взяв в посредники историю. Вальтер Скотт...был главой великой школы, которая теперь становится всеобщей и всемирной... Высочайшая поэзия состоит не в том, чтобы украшать его, но в том, чтобы воспроизводить, его в совершенной истине и верности»¹.

Век, у истоков которого стоял Вальтер Скотт, называли «веком чудес» - удивительных открытий. Если в технике первым по времени и значению было открытие силы пара, то в области духа, в гуманитарной сфере – открытие истории, прошлого. Пушкин сравнил «Историю» Карамзина с открытием Колумба, и можно сказать, что в то время совершилось открытие ещё одного нового света, только находившегося не за океаном, а «за гранью прошлых дней». Увидев прошлое в той живописной подвижности, с какой его изображал Вальтер Скотт, люди того времени были поражены не меньше, чем изобретением «безлошадных» экипажей и «самодвижущихся» фабричных станков.

¹ В.Г.Белинский. Полн.собр.соч. в 13 томах. Т.1. М., 1953.

Даже историческая наука испытала воздействие «шотландского барда». Наподобие Вальтер-скоттовских романов исторические сочинения сделались, по выражению того времени, живописательными. Вослед романисту истории стали стремиться описывать события прошлого с той живой полнотой, какую мы видим в удачном литературном типе или образе. Эта полнота, как бы объемность и самостоятельность, образа и есть важнейший признак художественности.

Вальтер Скотт явился первым из писателей, о которых говорят, что они открывают читателю целый мир. Переплет любого Вальтер-скоттовского романа служил поистине чем-то вроде крышки от волшебного ящика или двери в неведомое: стоило открыть книгу, как читатель оказывался в далекой стране, которая вдруг, благодаря магии слов, приближалась к читателю и окружила его со всех сторон.

Далекое и давнее Вальтер Скотт делал близким, неведомое – известным и понятным. Читая Вальтера Скотта, читатели чувствовали, будто она запросто, «домашним образом» (Пушкин) знакомятся и со средневековыми королями, и с рыцарями, и с людьми «вне закона» - неукротимыми горцами. Читать Вальтера Скотта означало совершать путешествие, как мы теперь говорим, во времени и пространстве в прошлое и в далекие края, прежде всего в старую Шотландию, край родной для «шотландского барда».

Чем же так привлекало изображение маленькой горной страны? Почему это читательские путешествия оказывалось особенно интересным?

То была эпоха романтизма, тоски по былому. Характерное стремление прочь подальше от современности и повседневности,

возникло вопреки прогрессу. Шло мощное и повсеместное общественное и техническое движение вперед, и это поступательное движение, эти поразительные успехи науки и промышленности, эта материальное преуспевание сопровождались вздохами о том, что под натиском новизны уходит или уже ушло безвозвратно.

Джордж Генри Льюис, объясняя успех Вальтера Скотта, казавшейся ему чрезмерным и преходящим, тем не менее точно указывал причинные успехи, начиная с моментов исходных: «Французская революция явилось манифестом, написанным кровью, этим манифестом, написанным кровью, этим манифестом. Написанным кровью этим манифестом провозглашалось. Что мир перерос свое прежнее. Англия на это откликнулась, в ту бурную пору вкросла целая плеяда поэтов, выдвинувших новые доктрины, которые не прошли бесследно для литературы... Всмотримся же в их позиции. Все они видели, что существующее положение вещей проникнуто гнилью, но как далеко заходили они в стремлении исправить это положение? Скотт воскресил прошлое, он вызвал на свет умерший дух рыцарства перед нашими глазами и развернул в целой панораме былые времена с их пограничными стычками и налетами, великолепными празднествами, турнирами, лесными разбойниками, суровыми бойцами, облаченными в кожу и металл, этими людьми с горячей кровью, стойкими, совершающими чудеса героизма, вечно живущими на грани опасности, нацеленными на войну и интриги¹»

¹ Literary criticism of George Henry Lewes. Lincoln. 1964. p.74

1.4. Писатель истинно Британский

В автобиографическом очерке Скотт писал: «У каждого шотландца имеется родословная. Это есть его достояние, столь же неотъемлемое, как его гордость и его бедность». Крепость родовых уз у шотландцев определяется их клановостью. Клан – это ведь по – шотландский потомство, род, разветвленная семья; и вся Шотландия составляет есть кланов. Допустим, роб Рой – из Мак Григоров, и если сегодня вам доведется повстречать человека по Фимами Мак – Грегори, то будьте уверены, уверены, что вы повидали пусть отделанного, но все-таки родственника того самого горца, который послужил моделью и для Вордсворта, и для Вальтера Скотта. И каждый Мак-Грегор помнит, что он Мак-Грегор, сознает свою клановую принадлежность, свою причастность к некоей семейно – родовой общности. Имя клана кровь клана, клич клана, плед (символическая ткань) клана не пустые слова для шотландца. Ну и, разумеется, земля родовые владения.

Однако именно земли кланов, некогда столь ревниво охраняемые в своих извечных границах, но временам Вальтера Скотта уже не имело определенной очерченности. Сам Вальтер Скотт, когда у него появились средства, развернул хозяйство на купленной – не клановой земле. Родовые территории – опора клановой системы, важнейшие, что после кровных уз связывало шотландцев в отдельные единства, – давно прекратили существование. Некоторые владения кланов сделались поместьями, достоянием одного хозяина который, выгнав с этой земли мелких владельцев (в том числе собственных

дальних родственников), разводил либо овец на потребу текстильной промышленности, либо оленей – на потеку английской знани, за большие деньги приезжавшей сюда поразвлечься и поохотиться.

С крахом и распадом клановой системы завершилось, в сущности, история всей Шотландии как особой страны. Сохранился и до сих пор существует национальный колорит, кое-где продолжают говорить только по-шотландский, уцелели даже кланы, насчитывающие подчас до пятидесяти тысяч родственников, но в государственном отношении Шотландия – давно уже только часть Британского королевства, где главную роль играет все таки Англия.

Начала конца, полный кризис и, наконец, утрата Шотландской самостоятельности относятся к первой половине XVIII столетия. В 1715 и 1745 годах между шотландцами и англичанами разыгрались две битвы, в результате которых англичане утвердили свое главенство. Клановые военные отряды были распущены, а шотландская корона была просто положена в сундук навечно – за ненадобностью. Посмотреть на эту утратившую свое значение регалию Вальтеру Скотту было позволено в качестве особой привилегии, который он удостоился постольку поскольку английский принц – регент, будущий король, являлся его восторженным поклонником - читателем. Чтение романов Вальтера Скотта, кстати, повело английских властителей на мысль, что национальное самосознание шотландцев уже после утраты государственной самостоятельности следовало бы как – то стимулировать, несколько возродить и приподнять истинно шотландский дух, однако сделать это предполагалось лишь в известных, строго контролируемых пределах и преимущественно ради символики. Так были восстановлены некоторые шотландские полки, но в составе обще британских королевских войск. Это было та же - в романтическом стиле –

«героическая бутафория», как выражался Стивенсон, еще один знаменитый английский писатель шотландского происхождения.

В борьбе за свою самостоятельность шотландцы не выстояли не только под внешним нажимом. В недрах клановой организации шло брожение. Родовая спаянность была, несомненно, большой силой. Куда, однако, направленной? В обе стороны: на отражение врагов и на подавление своих. Это было, одним словом, Косность, помогавшая сохранять то, что было, но к сожалению, мешавшая развиваться. Даже приверженность исключительно родному языку становилась препятствием на пути в большой мир. Кто знает бардов, истинно шотландских во всем, начиная с языка? Даже Роберт Бернс (которого Вальтер Скотт видел в детстве), «славный Робин», за одно только сомнение в полнейшей самобытности которого шотландцы способны побить, писал на полу шотландском – полу английском диалекте.

Сравните его стихи, которые как песни поет вся Шотландия, со стихами его предшественников, и вы убедитесь, что Бернс по сравнению с бардами – это другой язык. Другая литература.

Никто из представителей особой английской словесности, сохраненный шотландцами, - Бернс Скотт, Карлейль и Стивенсон, - не отрекался от своего шотландского наследия и ни один из них все – таки не может быть назван только или просто шотландским писателем. Каждый может быть назван так. Как называл себя Вальтер Скотт, - писателем британским.

Итак, своим читателям Вальтер Скотт рассказывал об ушедшем мире, с которым он, однако, сохранял непосредственную связь, как если бы нений современный грек стал писать о древней Элладе, Старый шотландский мир еще не ушел совсем, не был погребен под развалинами. Но все же, подобно античности, этот мир, еще прячась в укромных уголках Горной Шотландии, закончил свое историческое

существование. И как оглядывалось человечество на античность ради извлечения уроков, так благодаря романам Вальтера Скотта можно было оглянуться и на Шотландия, где уже разыгралась и завершилась битва, шедшая на всем европейском театре, - схватка между стариной и новизной, патрихальностью и прогрессом. Все это однажды уже было, как бы говорил Вальтер Скотт читателям, вовлеченным на новом этапе в ту же битву. И вот посмотрите, говорил он своими романами как это было и чем кончилось. От патрихальности к прогрессу как отдельная страна Шотландия совершила переход, утратив сомостоятельность и встав на уровень современного развития. Кто, например, раньше слышал о шотландской печати? А во времена Вальтера Скотта шотландские (не английские) журналы стали ведущими, не Лондон, а Эдинбург сделался центром английской журналистики. Да, то были английские журналы и английская журналистика, но тон задавали англичанами шотландцы, хотя и на английском языке.

Подобную можно считать символом литературной судьбы Вальтера Скотта и подоплекой его успеха: шотландец рассказал о Шотландии как британец, - достоверность, преданность родной земле, какой отличаться мог только коренной шотландец. Сочетались с непредрязанностью гражданина разноплеменного королевства.

Сделавшись английским писателем, Вальтер Скотт хотел оставаться шотландцем. Поэт, прозаик, фольклорист, этнограф, а так же юрист, он свои дарования и познания, увлечения и незаурядную энергию, способствуя прогрессу, отдал воплощению романтического, в сущности ретроградного, идеала: при всей своей исторической трезвости стремился, хотя бы в границах своих владений, остановить время и даже обратить время вспять. Таков внутренний конфликт его творчества, ставший к тому же и драмой его жизни.

ГЛАВА II

ОТЕЦ БРИТАНСКОГО РОМАНА

2.1. Прошлое как источник современности

В первом же романе Вальтера Скотта “Уэверли, или Шестьдесят лет назад” появляется персонаж вроде бы молозметный. Это рассказчик, почти безликий, однако попятно присутствующий в повествовании и выполняющий если не очень выразительную, то весьма важную роль. Рассказчик в прямом смысле передает прошлое, служит связующим звеном между стариной и современностью. Это не участник событий, поскольку события описываются давние, но это наследник, хранитель живой преемственности, сохраняющий сведения о далеких временах. Даже в «Айвенго, где действие происходит в XII столетии, то есть отнесено на шесть веков назад по отношению ко времени создания романа, Вальтер Скотт несколькими «предисловиями», серией постепенных приступов в повествованию стремился поставить читателя в непосредственное соприкосновение с отдаленным прошлым. Если же повествование, например, из шотландской истории. Как в «Уэверли» или «Роб Рое», отнесено от современности на пятьдесят - сто лет, оно преподносится читателю как изустная из поколения в поколение передаваемая правда о прежних днях. Пусть рассказчик сам не видел и не помнит, как все было, он по крайней мере видел и слушал тех, кто являлся свидетелем совершавшегося или же знал участников давнего дела.

Воспроизводя прошлое, рассказывая, «как было», Вальтер Скотт избегает прямых параллелей с нынешними событиями, не пользуется аналогиями, или, как выражался Пушкин, аллюзиями историю в переодетую современность. Конечно Вальтер Скотт воспроизводит

прошлое не ради него самого, но в связи с современностью. Эту связь он и воспроизводит, показывая прошлое как источник современности. У него не условная притча для современников, а старательное выявление отдаленных причин совещающегося сегодня.

Пушкин почувствовал эту особенность позиции Вальтера Скотта, предвосхищение которой он совершенно справедливо находил у крупнейшего, хотя и отдаленного его предшественника – Шекспира. При этом Скотт многое делал и по – своему, по новому.

Шекспир инсценировал хроники, его исторические пьесы населены преимущественно известными. Реально существовавшими лицами, среди которых в порядке исключения появляются и вымышленные персонажи. Вальтер Скотт изменит пропорции в расстановке исторических и вымышленных фигур. У него большую часть повествования занимают герои. Им самим созданные, лица же исторические отходят на второй плане, становятся эпизодическими. Даже Роб Рей, чье имя служит названием романа, появляется открыто лишь в конце книги: составляя постоянный предмет в разговорах действующих лиц и сливаясь с фоном, он выступает на авансцену только под занавес.

Теперь все это встречается едва ли не в каждом историческом повествовании. А в свое время было принципиальным новшеством, открытием прием основывался на убеждении в не случайности случайного, общезначимости частного, на стремлении выявить закономерность всепроникающую, правду всеобщую, цельную. Перестановка. В процессе которой вперед выходил небеспочвенный вымысел. А за ним виделся исторически реальный фон, позволяла открывать прошлое, будто невидимую страну, и это открытие, совершавшееся на страницах романов Вальтера Скотта, производило на современников ошеломляющее по своей правдивости впечатление.

У Шекспира впереди шло предание, вынуждавшее своим авторитетом верить изображаемому в пьесе, - короли, чей традиционный облик знаком был каждому, их сподвижники., столь же, по преданию, известные уже обрисованные в общем сознании заведомо, прежде чем начал их выводить перед зрителем драматург. Скотт, развертывая летопись с другого конца, стал знакомить своих читателей с теми же королями заново, проверяя, а не только подтверждая предание. Шекспир следовал легенды, традиции, с необычной яркостью вышивая по канве общей памяти. Вальтер Скотт сам создавал канву, представлял традиционные фигуры в неожиданном свете тем «домашним образом», который так высоко оценил в его методе Пушкин. Разумеется, это не означает какого бы ни было возвышения. Вальтера Скотта над Шекспиром, но лишь указывает на развитие историзма от «хроник» Шекспира и «реконструкций» Дефо к романам Вальтера Скотта.

Ведущая тема творчества Вальтера Скотта, развернувшаяся в романах, - взаимоотношения англичан и шотландцев, конфликты между Англией и Шотландией. При этом исследователи отмечают одну важную особенность «шотландских» романов: основная повествовательная точка зрения в них передоверяется англичанам. Иначе говоря, действие происходит преимущественно в Шотландии, с которой знакомится пришелец, относительно сторонний наблюдатель¹. Так, действие «Уэверми» относится к знаменательному 1745 году, когда шотландцы сделали последнюю попытку вернуть своей стране национальную и государственную независимость, но в центре романа – молодой англичанин семья которого, по словам Вальтера Скотта, восприняла «все бремя консервативных пристрастий и предубеждений, политических и церковных».

¹ И в этом отношении Вальтер Скотт воспользовался опытом Дефо, который часто ради видимой объективности излагал сложные исторические и политические события с позиции противника, неприятеля или по крайней мере нейтрального лица

Своего героя Вальтер Скотт сравнивает с Дон Кихотом: начитался книг о британском рыцарстве и полон еще средневековых идеалов дворянской доблести. Этот сословно – нравственный кодекс подвергается испытанию, когда Уэверла отправляется на военную службу в Шотландию, приходя в соприкосновение, а вскоре и в столкновение с миром других национальных и общественных представлений. Вальтер Скотт не спешит переходить к событиям исторического значения, он прежде всего показывает своему герою и читателю неведомую страну, поражающую незнакомца, как некий затерянный мир.

В положении поистине донкихотском Уэверли оказывается, когда ему приходится пойти в горы на поиске угнанного у его шотландского хозяина Скота. Величие обстановки, отвечающей самым возвышенным романтическим представлениям молодого человека, и обыденность повода для его похода буквально не укладываются у него в сознании. Однако Шотландцы как показывает Вальтер Скотт, воспринимают пропажу иначе: этот пустяк – пропажа дойных коров - может послужить поводом к нескончаемой родовой расправе.

Многое представляется Уэверли трудносоединимым: грабеж, насилия и вообще взаимные зверства воспринимаются горцами как что-то обычное, повседневное, и тут же проявляется у них невероятная ранимость в вопросах чести. Так и читатель знакомится с нравами и понятиями, возможными по замечанию Вальтера Скотта, «лишь шестьдесят лет тому назад».

Шотландия тех времен представляла собой прежде всего клубок внутренних конфликтов, разделивших страну не только на две части - горную и равнинную; внутри каждой из частей, даже в каждой из группировок, народ был разделен на враждующие лагеря - по религиозной. Если шотландские протестанты – пуритане служили оплотом английской буржуазной революции, то шотландские католики

являлись ее злейшими врагами. К этому следует добавить, что король Британии, шотландец Джеймс (или Исаков) II, хотел восстановить в Англии континентально – европейское влияние. Таким образом, король был одновременно британцем и антибританцем. Таков был его сын, Джеймс Стюарт, так называемый претендент, пытавшийся в 1715 г. Вернуть себе престол. Таков был и его внук, претендент - младший, сделавший подобную попытку в 1745 году. Торжество любого из претендентов, как старшего, так и младшего, означало бы начало новой гражданской войны, развал государства, интервенцию с европейского континента и прочие общенациональные бедствия. Сам Вальтер Скотт, мысля себя британцем, стремился наказать правоту и неправоту каждой из сторон по отношению к идеям государственного единства и национальной самобытности.

Об исторических лицах и событиях Вальтер Скотт очень часто сообщает лишь бегло, между прочим, между строк и даже под строкой, в авторских примечаниях. В наше время читателю требуются примечаний ужу вдвое больше. Однако современники Вальтера Скотта хорошо различали знакомый им колорит эпохи шестидесятилетней давности и со всей остротой воспринимали двойственность положение Уэверли, у которого и в семейной истории содержится тот же конфликт: одни его предки стояли за протестантскую, но иноземную династию Ганновером, другие же являлись Яновичами сторонниками линии Иакова Стюарта. К этому остается добавить сердечное явление молодого англичанина сестрой вождя шотландского клана, убежденного Якобита, и то, что она сама истово было предана делу крайнего шотландского патриотизма. Поэтому Уэверли, сочувственно принимаемый у одних, попадает под подозрение у других, а решающей битве оказывается противником собственной армии.

Но тут следует неожиданный поворот романтической интриги: «Кто-то спасает кого-то», а именно Уэверли в ходе боя оберегает от удара английского полковника, спасая и его, и сою патриотическую честь. Дальнейшие несколько натянутые сюжетные ходы устраняют прочие препятствия на пути Уэверли к счастливому браку, правда, не с гордой горянкой, не примирумой в своей преданности обреченному даму, а с другой, более терпимой шотландской, и в результате совершается символический брак, соединяющий два старинных дома, английский и шотландский.

Успех «Уэверли» был значителен и оказался поддержан последующими романами цикла, который так и стал называться Уэверлевским, хотя каждая из них имела свой независимый сюжет.

В 1816 г. Вышел роман, называемый в русском переводе «Пуритане», английское его труднопереводимое название означает «Старые кости». Это – прозвище удивительного странника, каменотеса, который бродил по Шотландии, укреплял и ремонтируя могилы шотландских сектантов, некогда, сто лет тому назад, восставших против притеснений Стюартов.

С большого праздника, какого в этих краях давно не бывало, Вальтер Скотт начинает свое повествование, вновь показывая всю сложность и запутанность жестоких конфликтов. Здесь иная расстановка общественных сил - столкновение внутри шотландское, вместе с тем отражающее раскол по всей стране во времена революции. Отодвинув время действия своего романа к последней трети XVII столетия, Вальтер Скотт изображает шотландцев наиболее крайних убеждений. Шотландцы-пуритане оказались хранителями революционного духа, окончательно выветрившегося после смерти Кромвеля и возвращения на английский престол королевской династии. Сложность положения заключалась в том, что, отстаивая сектантский кастовый демократизм,

эти шотландцы оказывали сопротивление ходу самого времени. Пуританизм с его суровой праведностью сковывал живые силы, запрещая людям даже веселье. А посягательства на их независимость со стороны новых феодалов, или, вернее, опять получавших полному своей власти, несмотря на всю жестокость и бесцеремонность притеснений, все-таки нарушают застойность жизни.

Художественная объективность в изображении исторического конфликта дала повод Марксу высоко ценить этот роман. Доступную лишь подлинному искусству объективность Маркс и Энгельс называли «поэтическим правосудием» в отличие от правосудия гражданского или политического, которое отделяет правого от виноватого. Поэтическое же правосудие показывает и правоту, и неправоту каждой из сторон.

В «Пуританах» читателей привлекала судьба центрального героя Генри Мертона, отнюдь не религиозного изувера, но все же верного своим убеждениям. «Генри Мертон был одним из тех одаренных людей, которые, обладая множеством разнообразных способностей, даже не подозревают об этом. Он унаследовал»

2.2. Реальное, исторически основанное время

Открытый и освоенный Вальтером Скоттом повествовательный способ создания атмосферы и обстановки отдаленных эпох, совершенствуясь, использовался и последующем романом XIX века. В известном смысле роман XIX столетия по способу воссоздания “времени” какого бы то ни было, прошлого текущего или будущего, оставался “историческим”. Дистанция могла сокращаться до нескольких лет, дней, минут и даже вовсе отсутствовать, и все же это была “история” по рецепту Вальтера Скотта. Если поздние назвавшиеся в книгах Вальтера Скотта чудом стало выглядеть, но выражению Стивенсона, “героической бутафорией”, и “отец романа” перешел в “детскую”, то, учитывая этот факт, мы не имеем оснований задним числом переоценивать достигнутое.

У Шекспира была аудитория, мыслящая ещё мифологически – веками на одном дне.” Уже четырнадцать веков прошло, как тяготит над нами этот долг”,- говорит один из шекспировских королей, упоминая тут же решение, приятное “вчера”. В отличие от шекспировской Англии Шотландия, о которой писал Скотт, была, как правило, полностью в прошлом: все миновало, прошлое завершилось и сделалось историей без очевидной непосредственной связи со злобой дня. Вальтер Скотт ввел в литературу время на новых, реально исторических основаниях.

Отдаленные времена интересные новым поколениям постольку между далеким и близким связь обнаруживается: остановится видно, как прошлое привело к нынешнему, оказывается, что современность – это следствие давних причин. Вот это было и осталось самым интересным в романах Вальтера Скотта. Разумеется, приметы давних веков, дамы и рыцари могут привлекать сами по себе, как яркое и необычное зрелище, но для зрелого восприятия исторические романы интересны именно тем,

что позволяют уяснить, как давно началось совершающегося сегодня, как все запутывалось, обрастая, усложняясь на протяжении веков все новыми конфликтами.

Художественно цельное воспроизведение того или иного давнего конфликта дает возможность, нет, не разрешить конфликт, но хотя бы понять его причины и суть.

Воздействие Вальтера Скотта оказалось чрезвычайно разносторонним. Как уже отмечалось, он повлиял и на впусы широкой читающей публики, и на исследовательские методы историков, и на повествовательные приемы писателей – на весь литературный процесс, включая организацию издательского дела. Даже в области далекой от литературы сказалось его влияние. Например, началось усиленное строительство гостиниц и прокладка шоссейных дорог: ведь несметное число людей, прочитав произведения “шотландского барда”, пожелало своими глазами увидеть те самые места, что он благодаря своим поэмам и романам сделал столь привлекательными.

Любознательность – вот что с необычайной шалой возбудил Вальтер Скотт. Говорят, и Карамзин, прежде чем приняться за свой великий исторический труд, прочитывал ради отдыха и вдохновения главу из романа Вальтера Скотта. Что принесло с собой вторжение вальтер-скоттовской с собой вторжение вальтер-скоттовской духа, мы особенно отчетливо можем увидеть действительно на примере Карамзина: для этого надо сравнить его ранние, небогатые описательными подробностями исторические повести с его же необычайно картинными главами из “Истории государство Российского”, которая была начата почти одновременно с появлением первых романов Скотта(до этого Карамзин только собирал материалы).

Пушкин отметил возникновение новой школы историков (в первую очередь даже не английских, а французских), которая «образовалась под

влиянием шотландского романиста¹». Белинский, в свою очередь, указывал на зависимость французских историков – Гиза, Тьерри, де Баранта – от Вальтера Скотта (и тут же отличал: “Это имело прямое и сильное влияние на нашу литературу”). Де Баранте, - который был послом в России, собеседник Пушкина, ссылаясь на Вальтера Скотта, сформулировал мысль о единстве “истории” и “поэзии” на почве творческого “воображения”. Развивая ту же мысль, Белинский говорил, что в истории наука и искусства соединяются вместе для достижения одной и той же цели, потому что история есть столь же ученое, по внутреннему содержанию, сколь и художественное по изложению произведение. Какая же цель?. Предоставим² слово одному из названных историков, а именно, а именно Тьерри, который писал; “Чтение романов Вальтера Скотта повернуло воображение многих людей к средним векам, от которых только недавно отрецивались с презрением: и если в наши дни происходит переворот в манере читать и писать историю, то внешне легкомысленные сочинения необычайно этому содействовали”. “Легкомысленные сочинения” – так, заметьте, историк называет исторические романы, называет и тем не менее читает, и еще как читает, не без пользы для себя. Тьерри, имея в виду романы Скотта, продолжал: “ Они внушили всем категориям читателей такое чувство интереса к веком и людям, клейменным именем варварских, что и боли серьезные работы благодаря этому стали пользоваться неожиданным успехом”. Уточним: Не только пользовались успехом, но и появились на свет многие серьезные исторические труды (как указывает сам Тьерри) благодаря тем же романам. Труды историков как, бы ожили, запомнились человеческой плотью и, как мы уже говорили, стали живописными, даже подчас не уступая в этом

¹ А.С. Пушкин. Полн. СОБР. Соч. в 10-ти томах, Т., VII, М., 1956, стр.136.

² А.С.Пушкин. Полн. Собр. Соч.в 10 –ти томах, VII .М. 1956. стр.136.

историческим романам: исторические труды, как исторические романы, стали передавать картины и лица - местный колорит и местные нравы.

Словно соревнуюсь с романистом, французские историки вскрыли давнюю подоплеку новейшей социально – политической борьбы во Франции сосуществовали два народа: победители и побежденные. Свыше тринадцати веков побежденный народ боролся, чтобы сбросить это народа – победителя. Наша история есть история этой борьбы – тое писал Гизо, по словам единомышленников, “ новое оружие против правительства”, а правительство (вернувшиеся к власти Бурбоны) было ставленником еще тех, тринадцатой вековой давности, “победителей”. Речь шла, как можно понять, о вторжении франков во владения чалов, с чего, собственно, и началась история того государства, которое завьется Францией. В после наполеоновской Франции в чистом виде отыскать и развести по разным лагерям чалов и франков было разумеется, уже невозможно. Наименования древних племен служили псевдонимами для участников текущей политической борьбы: вернувшихся, однако “ничему не научившееся” из опыта революции аристократов и добившихся в результате революции нового общественного положения буржуа. Мы не собираемся разбирать здесь эту борьбу, мы хотим лишь, чтобы стало понятно, как под воздействием “легкомысленных сочинений” вдруг все воскресло, ожило, как заговорили древние документы и как задвигались древние камни.

Вальтер Скотт сделал свой край легендарным, и в силу очередного противоречия этот край с его труднодоступными уголками, обретя исключительную притягательность, стал терять свою первозданность. Поскольку путей туда, кроме головоломных горных троп, не было, предприимчивые люди поспешили проложит дороги и построить постоянные дворы. Все для удобства литературных паломников (лишь бы у них были деньги)!. Это завершалось прямо по

следам появления одного за другим творений барда”. Современник вспоминает, как появилась поэма “Дева озера” и что за и успехом последовало: “По всем дорогам, ведущими к предгорью Трассах, вдруг раздался” стук множества конник и колес. Все придорожные таверны оказались забиты до отказа. Дорожная плата неуклонно поползла вверх. Каждый уголок этого чудесного ущелья оказался исхожен, и каждая пядь земли по берегу прекрасного озера была истоптана путниками, которые странствовали прямо с книгой в руках, либо, пробираясь по озеру под карусот на остров Елены, забираясь на серые скалы Бен Анна, стоя в тенистой лощине Каирнанурискина, склоняясь над тихими водами Лох –Грея, наизусть, с неугаращающим восторгом повторяли строги из тоже книги”. И это происходило уже после появления ранней поэмы Вальтера Скотта, у истоков его популярности. Что творилось потом, когда стали появляться романы, возбуждавшие у читающей публики еще больший восторг!. А места , изображенные в романах, были в самом деле, как нарочно, разбросаны по всей Шотландии, и Вальтера Скотта даже подозревали: уж не состоит ли он в сговоре со всеми содержателями постоянных дворов, направляя читателей, спешивших удовлетворить свое любопытство и проверить на листан силу воздействия книжных страниц, из края в край и в самые отдаленные уголки. Кольридж так и называл Вальтера Скотта «живописующим туристом». «Шотландский бард», как и Шекспир, стал источником своего рода индустрии по удовлетворению поистине неслосякающего читательского энтузиазма. Теперь проложены и оснащены всем необходимым специальные вальтер-скоттовские маршруты, начинающееся в центре Эдинбурга , где «шотландскому барду» поставлен памятник, и ведущие в Мелроз или в Селькирк , туда где он строил свой Аббатсфорд или служил шерифом .

2.4. Современники «Шотландского барда»

Вальтер Скотт и сам еще при жизни стал легендой . В автобиографии он говорит , что в ранние годы видел всего двух знаменитых писателей. Зато впоследствии не было писателя, не говоря уж о читателях, которые бы стремились увидеть его самого.

Из прославленных современников Вальтер Скотт видел наиболее прославленного – Роберта Бернса. «Я был пятнадцатилетним мальчишкой, - вспоминал Скотт, - когда Бернс только появился в Эдинбурге». Бернс был уроженцем и певцом противоположного от Эдинбурга берега Шотландии, западного , где находится город Эйр. «У меня уже имелось достаточно чувства и смысла, - продолжает Скотт, - чтобы сильно увлекаться его поэзией, и я был готов отдать целый мир ради того , чтобы познакомиться с ним ». И этот случай представился благодаря тому, что у отца Вальтера Скотта с Бернсом имелись общие знакомые. На одно из литературных собраний, где присутствовали немало людей , чьи имена громко звучали в свое время, но в отличие от имени Бернса уже ничего не значит теперь, и попал начинающий любитель литературы, «Мы, младшие ,- вспоминали Скотт, - конечно, лишь смотрели и слушали». Но все – таки Вальтеру Скотту довелось тогда сказать свое слово, достигшее слуха Бернса. На стене висела картина : над телом павшего солдата склонилась его вдова с ребенком, и тут же сидит верный пес, друг семьи. Бернс , рассказывает Вальтер Скотт, даже прослезился, глядя на эту картину и в особенности прочитав под ней стихотворную надпись. «Чьи это стихи?» - спросил Бернс. Несмотря на исключительную литературность этого сборища , никто не знал автора, и тут пришел час юного книгочея с отличной памятью. Вальтер Скотт прошептал имя забытого стихотворца на ухо близстоящему , тот передал это Бернсу. И он ответил мне взглядом и словом, - говорит Скотт, - которые , хотя и были

проявлением простой вежливости, я тогда воспринял и поныне вспоминая с огромным удовольствием».

Вторым литературным знакомцем Вальтера Скотта был совсем другого толка и, так сказать, другого берега – Мэтью Льюис, прозванный «монахом» по названию своего знаменитого одноименного романа. Если Пушкин вспоминал «британской музынебымицы», то «Монах» Льюиса был ярчайшим и наиболее популярным образцом подобных «небылиц», причудливых повествований, называемых «Готическими» по времени действия, относимого обычно в средние века. Другое название тех же «небылиц» - «романы ужасов», что предполагало крайнюю таинственность, кровь, убийства и участие самого дьявола. Это было наиболее распространенное пред Вальтер скоттовское чтение, увлекавшее очень многих до головокружения, заставлявшее, если не сдавали нервы, сидеть за чтением ночами. Впрочем, почему же пред вальтер скотовское? «Шотландский бард», конечно превзошел своими историческими повествованиями эти «романы ужасов» (в то же время используя их обстановку с горами и замками, развалинами и кладбищами), но ему не удалось их вовсе похоронить или отменить, как в литературе бывает, если некий новый, более высокий род литературы приходит на смену прежним читательским увлечениям. Публика продолжала читать «готические» романы наряду с романами Великого Неизвестного, каким до поры до времени являлся сэр Вальтер Скотт.

Причины, по которым прославленный писатель долгое время предпочитал оставаться инкогнито, так и не получили какого-то определенного, одного объяснения. Причин было несколько. Прославившись первоначально как поэт, Вальтер Скотт, перейдя к прозе, не хотел рисковать своим поэтическим именем в случае неуспеха его романов. А когда успех к нему пришел, то он убедился, что в таинственности есть своя дополнительная, притягательная сила. И для литературных паломников в

этом заключалось особое очарование: прорваться сквозь пелену тайны и увидеть самого Великого Неизвестного!

Связи Вальтера Скотта были необычайно обширны. В числе его поклонников, а стало быть корреспондентов и знакомых были короли, полководцы и, конечно, писатели.

«Кто бы мог сказать мне тридцать лет тому назад, что я положу письмо от автора «Герца», - такую запись в дневнике оставил Скотт, когда он, уже на вершине своей славы, получил письмо от Гёте, трагедию которого «Гёц фон Берлихинген» он когда-то переводил. Историческая драма, тема которой – национальное единение, явилась одним из важнейших литературных уроков для Вальтера Скотта в годы его «учения и странствий». И вот он встал наравне с одним из своих основных учителей. А Гёте в те же годы говорил так: «Разве в Германии, даже в наши дни, вы найдете титанов литературы, которых можно было бы поставить в один ряд с лордом Байроном, Муром или Вальтером Скоттом?» Постоянный собеседник и литературный секретарь великого немецкого писателя записал целый ряд разговоров, которые они вели с Гёте как читатели Вальтера Скотта.

Действительно, увлекательное чтение даже стало искушенных ценителей превращает в простодушно-доверчивых людей: для них буквально материализуются, выступают, словно живые, персонажи и целые сцены, они обсуждают ход повествования, будто течение самой жизни. Они же, конечно, анализируют свои впечатления, и Гёте, объясняя столь жизненный эффект от воздействия на него прочитанного, говорил: «Высокое искусство проникает все целое, отдельные персонажи поражают жизненной правдой, все до мельчайших подробностей разработано автором с такой любовью, что нет здесь ни одной лишней черточки»¹. Но было бы странно, если бы столь строгий и профессиональный судья только восхищался книгами Вальтера Скотта. Нет, Гёте тут же отличает просчеты –

¹ И.П.Эккерман. Разговоры с Гёте. М, «Художественная литература», 1981. стр 260

самоповторение от романа к роману, небрежность, растянутость, а иногда, по его мнению, недостатки оказываются продолжением достоинство, та же описательная детализация, например, становится излишней. Но неизменно Гёте признает и подчеркивает, что это – «новое искусство».

С Байроном у Вальтера Скотта хорошие отношения установились не сразу. Сначала назревала между ними ссора, и зачинщиком являлся Байрон. Он только начал свой творческий путь ему за первый стихотворный сборник досталось в «Эдинбургском обозрении», и тогда с его стороны последовал ответный удар – стихотворная сатира, в которой Байрон разделался буквально со всеми мало-мальски заметными литературными современниками. В их числе и с Вальтером Скоттом, которого он обвинял ни много ни мало в продажности. Байрон назвал Скотта «наемным писакой». «За что ? !» - таков, примерно был отклик жертвы, конечно, невинной. «Пусть благодарит судьбу,- писал Скотт о Байроне другому поэту, - что он от рождения не должен зарабатывать ценой своего таланта или успеха ». Потом они объяснились. Это устроил их общий издатель Мюррей. Он же оставил воспоминание о встречах двух знаменитостей, двух литературных «львов», которые встретились в той же самой комнате, у того же самого камина, где годы спустя с горят мемуары Байрона, Зрелище, вспоминая Мюррей памятную встречу, было редкостное: оба знамени ты оба, имеют основание гордиться фамильной причастностью к истории, и оба хромые. Спускаясь с лестницы, они предупредительно помогали друг другу. С тех пор между ними не только не было ссор, но не существовало вовсе ничего, кроме самого дружеского расположения. Лишь однажды Вальтер Скотт оказался, нет, не обижен, а только смущен и озадачен, когда Байрон посвящая ему свою поэтическую трагедию «Каин». Эта была честь, по честь скандальная, поскольку скандальным был самый прием этой трагедии, которая была воспринята как проповедь безнравственности. Вальтер Скотт не был ханжой, но позиция Байрона, насколько она проявилась в той трагедии о

братоубийстве, представлялась ему рискованной . Вообще Вальтер Скотт восхищался Байроном, в то же время наблюдая за ним, как за некоей таинственно- удивительной , самосокрушительной натурой. Во всяком случае, когда Байрон подвергался нападкам, Скотт никогда к ним не присоединился, а после безвременной кончины поэта написал о нем сочувственную статью. «Лорд Байрон, - писал Скотт, - не ведал унижительного проклятия, тяготеющего над литературным миром.»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выступив создателем многопланового романа, Скотт строит сюжеты своих произведений свободно, обогащая их множеством событий, вводя большое количество действующих лиц. В этом свободном развитии действия с присущими ему многочисленными разветвлениями проявилось стремление писателя передать многообразие и богатство жизни. Перед читателями романов Скотта проходят судьбы многих людей; Несколько тем, приплетаясь друг с другом, создают сложные и яркий рисунок.

Неоспоримое достоинство романов Скотта проявилось в художественно завершенном приеме соединения описаний частной жизни с историческими событиями. Мастерство писателя проявилось и в портретной характеристике героев, в описаниях обстановки, в которых они живут и действуют.

Скотт умело вводит в повествование элемент неожиданности, распутывает сложные узлы, обращается к фантастике, связывая ее с поверьями народа и особенностями его мировосприятия в каждую в каждую из описываемых эпох. Обращаясь к различным эпохам, Скотт на историческом материале каждой из них подчеркивает неизбежность исторического развития, смены старого новым.

Рассказывая в «Айвенго» о борьбе англосаксов и норманнов, Скотт убедительно показывает историческую правомерность победы последних, так как они несут с собой более развитую форму феодализма.

В романе «Квентин Дорвард», действие которого происходит в XV в., подчеркивается неизбежность централизации королевской власти в процессе борьбы с отдельными крупными феодалами, необходимость утверждения абсолютизма. В романах «Вудсток» и «Пуритане»,

отражающих события английской буржуазной революции XVII в., Скотт, несмотря на свой консерватизм и якобитские симпатии, показал закономерность победы буржуазных отношений над феодальными. Обращаясь в «Раб Рое» к событиям XVIII в., писатель раскрывает неизбежность народных восстаний в условиях складывающегося буржуазного общества.

Как создатель жанра исторического романа Вальтер Скотт вошел в мировую литературу, заняв место в первом ряду ее лучших представителей.

Использованная литература

1. В. Ивашева. Английский реалистический роман XIX века в его современном звучании. М. 1974.
2. Г.В. Аникин, Н.П. Михальская. История Английской литературы. М. 1975.
3. Вальтер Скотт. Собрание сочинений в восьми томах. М.1990.
4. Фокс Р. Роман и Народ. М.1960.
5. Белинский В.Г. Полн. Собр – соч. Т.6, С-258.
6. Белинский В.Г. Полн. Собр – соч. Т.5. С -42
7. G.G. Gordon Byron. Letters and Journals. Ed. Prather? Vol. V. L.1901.
8. А.А. Елистратова. Английский роман эпохи Просвещения. С-250.1960.
9. А.А. Елистратова. Наследие английского романтизма и современность. М 1960.
10. В.Г. Белинский. Полн. Собр.соч.Т.VI. М. 1960.
11. В.В. Ивашева. История зарубежных литератур XIX в. Т.1.М. 1955.
12. Walden. The English Novel. L. Penguin. 1965.
13. Б.Г. Ремизов. Творчество Скотта. Л. 1965.
14. Стендаль. Жизнь Анри Брюлара – Собр. Соч. в 15 –ти томах. Т 13. М.1969.
15. Стендаль. Расин и Шекспир – Собр . соч.в 15-ти томах.Т.7.М.1969.
16. Б.Г. Реизова. “Стендаль и Скотт” в кн: “Проблемы современной филологии”. М. –Л. 1964.
17. Стендаль. Воспоминания эгоиста. собр. соч. Т.В.
18. Бальзак. Собр. Соч.Т.15. М.1955.
19. Д. Задонский. Искусство романа и XX век. М. 1973.
20. Th. Carlyle. W. Scott. L. 1838.
21. Куприн А.И. Собр – соч. в 6 –ти, т-6.М.1968.
22. Дьяконова Н.Я. Из истории эстетических идей в Англии. М.1971.

23. Самарин Р.М. История английской литературы. М 1953.

Использованная литература

10. В. Ивашева. Английский реалистический роман XIX века в его современном звучании. М. 1974.
11. Г.В. Аникин, Н.П. Михальская. История Английской литературы. М. 1975.
12. Вальтер Скотт. Собрание сочинений в восьми томах. М.1990.
13. Фокс Р. Роман и Народ. М.1960.
14. Белинский В.Г. Полн. Собр – соч. Т.6, С-258.
15. Белинский В.Г. Полн. Собр – соч. Т.5. С -42
16. G.G. Gordon Byron. Letters and Journals. Ed. Prather? Vol. V. L.1901.
17. А.А. Елистратова. Английский роман эпохи Просвещения. С-250.1960.
18. А.А. Елистратова. Наследие английского романтизма и современность. М 1960.
10. В.Г. Белинский. Полн. Собр.соч.Т.VI. М. 1960.
11. В.В. Ивашева. История зарубежных литератур XIX в. Т.1.М. 1955.
12. Walden. The English Novel. L. Penguin. 1965.
13. Б.Г. Ремизов. Творчество Скотта. Л. 1965.
14. Стендаль. Жизнь Анри Брюлара – Собр. Соч. в 15 –ти томах. Т 13. М.1969.
15. Стендаль. Расин и Шекспир – Собр . соч.в 15-ти томах.Т.7.М.1969.
16. Б.Г. Реизова. “Стендаль и Скотт” в кн: “Проблемы современной филологии”. М. –Л. 1964.
17. Стендаль. Воспоминания эготиста. собр. соч. Т.В.
18. Бальзак. Собр. Соч.Т.15. М.1955.
19. Д. Задонский. Искусство романа и XX век. М. 1973.
20. Th. Carlyle. W. Scott. L. 1838.
21. Куприн А.И. Собр – соч. в 6 –ти, т-6.М.1968.
22. Дьяконова Н.Я. Из истории эстетических идей в Англии. М.1971.
23. Самарин Р.М. История английской литературы. М 1953.

Бухоро Давлат Университети
Хорижий филология факультети
Инглиз тилшунослиги кафедраси

4 курс
талабаси _____ Н
инг
« _____

_____» мавзусидаги
битирув малакавий ишига

Такриз

Илмий рахбар: _____

_____ сана
Бухоро Давлат Университети
Хорижий филология факультети
Инглиз тилшунослиги кафедраси

4 курс
талабаси _____ н

инг

« _____

_____ » мавзусидаги
битирув малакавий ишига

Такриз

Такризчи: _____

_____ сана

Илмий Кенгашнинг 2011
йилги 10-сон баённомаси
билан тасдиклансин

Бухоро Давлат университети

_____ ф
акультети

_____ таълим
иуналиши

Битирувчиси _____

_____ нинг

(ф.и.ш.)

“ _____

мавзусидаги битирув малакавий ишига ДАКнинг

Хулосаси

Бухоро Давлат Университети ДАК Олий ва урта махсус таълим вазирлиги БМИ ни бажариш хақидаги 31.12.98 йил 362-сонли буйруги билан тасдиқланган низомига асосан куйидагиларни аниқлади:

1. БМИ нинг хажм ва талаб буйича расмийлаштирилганлиги (меъёр: табиий йуналишлар-50 бетдан, ижтимоий йуналишлар - 50-60 бет(электрон вариант)дан кам булмаслиги керак): талабга жавоб беради - 10 балл, талабга қисман жавоб беради-7 балл, талабдан четга чиқиш ҳолатлари мавжуд - 4 балл.
2. Мавзунинг давлат ва университет грант дастурлари асосида ёки долзарб муаммолар буйича танланганлиги: давлат дастурига кирган- 8 балл, грант лойиҳаси буйича - 7 балл, БухДУ дастури буйича-6 балл, долзарб муаммолар буйича - 5 балл.
3. Мавзу долзарблигининг асосланганлиги: етарли даражада асосланган - 5 балл, етарли даражада асосланмаган-3 балл, ноаниқ -2 балл.
4. Мақсад ва вазифаларнинг аниқ ифодаланганлиги: аниқ 7 балл, тулиқ аниқ эмас - 5 балл, аниқ эмас - 3 балл.
- 5.БМИ бажаришда илмий текшириш методларидан фойдаланганлик даражаси: тула- 7 балл, қисман - 5 балл, етарли эмас-3 балл.
- 6.Олинган натижаларнинг янгилиги ва ишончлилиқ даражаси: натижа янги - 8 балл, илгари олинган - 6 балл, тула ишончли эмас-3 балл.

7.БМИ нинг хулоса кисмида ишлаб чикишга тавсиялар берилганлиги: бевосита ишлаб чикишга тавсияси бор -6 балл, ижтимоий сохада куллашга (таълим, атроф-мухитни химоя килиш, маънавий-маърифий...) тавсия килинган-5 балл, тавсия йук- 3 балл.

8.Битирувчининг мавзу буйича олинган натижаларини танкидий бахоланганлиги даражаси: аник-8 балл, хула аник эмас - 6 балл, танкидий бахоланмаган- 4 балл.

9.Ишнинг илмий характери: илмий тадкикотлар асосида-8 балл, аралаш шаклидан-5 балл, реферактив характердан-3 балл.

10.Адабиётлардан фойдаланганлик даражаси: илмий-амалий журналлар, монография, етакчи олимлар асарларидан тула фойдаланилган- 8 балл, илмий адабиётлар кам фойдаланилган - 6 балл, факат дарслик, маъруза матнлари, укув кулланма ва маълумотномалардангина фойдаланилган- 4 балл.

11 .Битирувчининг маърузасига бахо: аъло -10 балл, яхши - 7 балл, коникарли - 6 балл.

12. Берилган саволларга жавоблари: тулик - 8 балл, урта - 6 балл, коникарли- 4 балл.

13. БМИ ни ташки такризчи томонидан бахоланиши: аъло-7 балл, яхши - 6 балл, коникарли - 5 балл.

14. БМИ га куйилган якуний балл

Бахоси _____

Эслатма: Хар бир балл буйича аникланган баллнинг тагига чизиб белгиланади.

ДАК раиси _____

Ф.И.Ш

ИМЗО

Аъзолари _____

Ф.И.Ш

ИМЗО

Ф.И.Ш

ИМЗО

Ф.И.Ш

ИМЗО

(Мухр урни) «_____» _____ 2011 й.